

Лаврова–Рейнфельд И. А.,
преподаватель кафедры философии,
Киевский институт бизнеса и технологий
(Украина, Белая Церковь), rein_feld@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОБОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Обосновывается ступенчатое формообразование субъективности, где объективация, то есть самоотстраненность и саморефлексивность субъективности возможна при условии метафизической экспертизы присутствия, которое соответствует первому уровню самоустановления субъективности. Следующий уровень выражается аутопозисом, где социальные паттерны и культурные комплексы-фоно-лого-центризм взаимодействуют в акте организации множества частных «сцен» проявленной субъективности. Третий уровень есть акт осознания субъективности и утверждение индивида. Используя гегелевскую терминологию, субъективность порождает свое-другое-себя-субъектность, которая зиждется на осознании. Это одновременно состояние и инструмент постижения «здесь и теперь», тогда как субъективность первых двух уровней процессуальна, темпоральна и аффективна. Переключение методологического «регистра» с необходимостью происходит сегодня в исследованиях философских тем сквозного характера, таких как философия сознания и философия (теория) субъективности. Потому методологические обоснования актуальны для прояснения не только терминологического аппарата, но и системы в целом. Концептуальные положения относительно трактовки субъективности, осознанности, отстраненности, субъектности, предложенные представителями различных философских направлений и школ, не исчерпывают обозначенной проблемы и оставляют исследовательский горизонт открытым.

Ключевые слова: субъективность, осознанность, субъектность, паттерн, субъект, индивид.

(статья друкується мовою оригіналу)

Проблема теории субъективности и самосознания с некоторых пор считается маргинальной в философии. В свое время Витгенштейн напоминал современникам, что субъективность только граница мира, а не его составная часть, поэтому не может быть задействована для объяснения его фактов. Однако традиционно, вслед за Витгенштейном, Остиным и Страудом, другими представителями аналитического направления философия определяется как рациональное усилие, которое проясняет уже установленное знание. Так в своих поздних работах Витгенштейн развивает идею философии как деятельности по разъяснению или прояснению знания, но не как совокупности раз и навсегда установленных доктрин. И, если работа философа – сбор воспоминаний с определенной целью, то это аналитическое действие вполне целесообразно методологическим поискам новых оснований философии (теории) субъективности [1].

Делёз считает, наоборот, смыслом философствования – свободное конструирование и дальнейшее оперирование понятиями, обозначающими то, что еще не состоялось как действительное, но уже способное высветить проблемное поле философствования. Делёз реставрирует метафизику, переосмысливая основополагающие понятия, в том числе субъектность и субъективность как развитие диалектики [3, с. 198].

Гегелевская концепция «снятия» содержит тезис о пройденных однажды объективным духом формах (субъективности, самосознания, сознания), лишенных ценности в превращенном виде, на более высокой ступени развития. Однако в постмодернизме возврат к идеям романтизма осуществляется в концептуальной вариативности возможностей объективирования.

Так, Делёз вводит понятие доиндивидуальных «номадических сингулярностей» (плавающих единичностей), которые конкурируют с классическими и

структуралистскими теориями субъекта как означающего [2, с. 304]. По мысли Делёза, сторонники номадического мышления, противостоят заостренным схемам государственной философии, которая поддерживает устойчивые нарративы насилия и порядка.

Таким образом, романтическая ироничность, как однажды пройденная ступень самосознания и субъективности в двадцатом веке принимает иные формы. Общество потребления все меньше производит аутентичное, оно производит унифицированные желания, потребности и массовость мнений. Лично Ваше мнение плюсуется и фиксируется СМИ, если Вы участвуете в социальных опросах. А лично Ваша жизненно важная одномоментность и потребность оседают на популярных сайтах и серверах. Современное общество производит мышление субъекта – «особняка с окнами без жалюзи». В режиме тотального запечатления момента чувственного, за бесконечной «разкадровкой» своей жизни исчезают навыки «удержания» себя как субъектной целостности. У массового человека на автобиографический новеллизм нет времени. Современный человек уже ничего не читает с анализом на «потом». Он просматривает, комментирует, сообщает, объективируя свою субъективность в масках театра псевдонимов (интернет), но он все еще бережет в себе радикальную субъективность далекого по времени романтизма.

Метафорически это можно объяснить так: скольжение по современной поверхности «тончайшей пленки жизни» в лучшем случае приведет индивида к бесконечному бегу по ленте Мёбиуса.

Однако вслед за Хабермасом и Уилбером можно утверждать, что все же эта новая эпоха постсовременности в ироничной манере удовлетворяет тягу человека к утраченному единству и целостности при помощи абстрактного авторитета системы современных «непроницаемых» наук. Науки и их ценности берутся индивидом бездоказательно. Уилбер рассуждает: мышление постсовременности удовлетворяет стремление к утраченному единству и целостности, но не только в иронической манере, но и через возвращение к более ранним, инфантильным стадиям единства, наполненного магическим и мифическим смыслом.

Опять-таки, правы представители философии романтизма, утверждавшие, что предшествовавшая фаза развития может существовать в историко-культурном наследии в превращенной, но не в «снятой» форме, имея действительную ценность [6, с. 22]. Проблема реальности превращенных форм и предметностей составляет метафизические положения аналитического, феноменологического и других философских направлений.

Безусловно, сама постановка проблемы реальности есть метафизическая. Другое дело, какой научный и философский инструментальный доказательности и истинности будет использован. Например, Куайн утверждая, что значение и пропозициональные установки не являются частью реальности, выносит за «метафизические скобки» и то и другое. Следовательно, сама постановка проблемы метафизическая, ее решения нет. Таким образом, аналитическими философами обосновывается расселовский проект «философской грамматики», философии без метафизики. Однако, пересмотр и реабилитация метафизики в философских концепциях классической эпохи (объективность,

субъективность, субъект, присутствие) актуальны, несмотря на постметафизические постулаты новой философской эпохи, провозглашенные Уилбером и его последователями.

Хотя проект многих метанарративов философской классики по утверждению представителей аналитических, феноменологических учений, а также постмодернизма себя исчерпал, а терминологический аппарат продолжает заимствоваться без должного обоснования, остается жизненно важным в философии переосмысление уже пройденных ступеней. Переключение методологического «регистра» с необходимостью происходит сегодня в исследованиях философских тем сквозного характера, таких как философия сознания и философия (теория) субъективности. Поэтому методологические обоснования актуальны для прояснения не только терминологического аппарата, но и системы в целом.

Рассмотренные концептуальные положения относительно трактовки субъективности, осознанности, отстраненности, субъектности, предложенные представителями различных философских направлений и школ не исчерпывают обозначенной проблемы и оставляют исследовательский горизонт открытым.

Состояние терминологического аппарата философии (теории) субъективности.

О закрепившейся терминологии и применении понятий в философии субъективности и/или субъекта. В современных энциклопедиях, а также в текстах известных зарубежных и отечественных авторов, анализирующих проблему субъективности, зачастую понятия «субъект» и «субъективность» взаимозаменяемы. В энциклопедических философских изданиях субъективный(–ой, –ая) не имеет характеристики подлежащего: субъективными могут быть дух, мир, реальность, мнения, взгляды и т.д. В обширном современном материале философских штудий анализа субъективности и/или субъекта подмена одного понятия другим имеет место, как то: переведенные тексты зарубежных авторов, где, в лучшем случае, в подстрочнике указывается на то, что автор под субъективностью все же понимает субъектность; диссертационные исследования с постановкой проблемы субъективности, где подмена понятием «субъект» содержательно закрепляется в обосновании темы исследования.

С другой стороны, вся широкая проблематика социальной философии, философии сознания, когнитивной психологии, а также трансцендентализма в целом, выстраивается на задачах определения границ субъекта – эпистемологического, когнитивного, трансцендентного, экзистенционального, феноменологического, социального с привлечением понятий «Самость», «Эго», «Я», «Актор» и др. Таким образом, возникает задача определения топологии (места) субъекта и всего того, что сопряжено с ним и субъективностью. В связи с этим, актуальным остается выбор методологических механизмов для перевода субъекта как инструмента познания, субъектности как состояния (квалите), субъективации как формообразующего процесса в объектность (состояние отстраненности) субъективности с ее теоретическими предметностями и концептами.

Вернемся к изначальному определению понятия субъект (греч. υποκειμενο), это то, что подлежит воздействию, претерпевает, испытывает страдание, трансформируется, изменяя свои границы и неизменен в наличествовании, в присутствии (в связке «есть»). Так,

Шпет утверждает, что первоначальное, значение термина «субъект» указывает именно на подлежащее, то есть на то, о чем идет речь и это значение не соотносительно, а, безусловно. Таким образом, Шпет абсолютизирует понятие субъект в значении самосознания и указывает на подлинное начало субъективизма в философии [8].

То есть, речь идет о субъективизме как принципе, но не о субъективности. С середины XVIII века в немецкой философии (Баумгартен), этот термин получает новое, противоположное прежнему значение. Вся дальнейшая историческая ткань философского дискурса о субъекте и/или субъективности произрастала в традициях рации, рациональности, гносеологизма и эпистемологического плюрализма. Так, А. С. Колесников связывает сложившуюся к концу XX века в философской и интеллектуальной культуре ситуацию методологической неопределенности в гуманитарном знании с общим кризисом темы субъективности.

Опять–таки субъективность традиционно трактуется как эпистемологическая тотальность, в качестве субъекта, «означающего», в качестве того, предикативность которого, изначально определена методологическим типом конституирования. Возможно, изначально необходимо говорить о типах конституирования субъектности, а не о формах субъективности.

Субъектность – состояние, качество, и, одновременно, условие рефлексии в познании. В настоящем, модными формами конституирования субъектности и/или субъективности (герменевтика самости в концепциях Хайдеггера и Рикера), обладающих большим эвристическим потенциалом, называют этическую модель интересубъективности и языковую модель онтологии.

Деятельностью человека сформирован логический строй мышления, соотносимый с внешним субъективным миром, который можно изучать отстраненным в объективированных формах. Исторически первое место в предметном логическом анализе занимает система научного знания. Например, Кант из всей совокупности знаний, первоначально выделил математику, метафизику, естествознание.

В дальнейшем, ярким представителем киевской философской школы второй половины двадцатого столетия В. И. Шинкаруком и др. социально–объективированными формами человеческой мыслительной деятельности определяются язык и техника, как способ (механизм) преобразования действительности [7, с. 52]. В XX веке язык и техника – объективированные формы мыслительной деятельности человека становятся не только инструментами познания и формообразования действительности, но и предметами логического анализа интересубъективности и /или субъективности. Примером могут служить работы Фуко, Делеза, Лакана, Деррида, Гваттари и др. Однако методологический постмодернистский анализ (инструментарий) отличается от классического, что дает принципиально новое видение заявленных предметностей.

Правомерным дальнейшим шагом в анализе объективированных форм мышления, в его логическом выражении становится мировой проект искусственного интеллекта как «самореференциальной системы». Поскольку подобная классификация является противоречивой, в качестве основного положения концепции самореференциальных систем как

самовоспроизводящих живое (теория аутопоэза Матураны и Варелы) в определение объективированных предметностей субъективности включаются концепты «паттерн» и «организация».

Таким образом, объективация, то есть самоотстраненность и саморефлексивность субъективности возможна при условии метафизической экспертизы присутствия, где присутствие соответствует первому уровню самоустановления субъективности.

Второй уровень выражается аутопоэзисом, где социальные паттерны и структуры фоно-лого-центризма как культурные комплексы взаимосвязаны в акте организации множества частных реализаций проявленной субъективности.

Третий уровень есть акт осознания, утверждение индивида. Используя гегелевскую терминологию, субъективность порождает свое-другое-себя-субъектность, которая зиждется на осознанности. Это одновременно состояние и инструмент постижения «здесь и теперь», тогда как субъективность первых двух уровней процессуальна, темпоральна и аффективна.

Первый уровень самоустановления субъективности-присутствие: чувственная, феноменальная сфера. На этом уровне из аффективности, ощущений, восприятий, представлений, гармонично организованного пространства и его звучания, формируется метафизика, как свое-другое себя чувственности, как отстраненное зеркальное бытие изменчивых форм мира, многократно отражающихся в единстве различного.

Кризис метафизики присутствия, по мысли Деррида, ясно обнаруживает себя у Ницше, в текстах которого последовательно разрушается привычная смысловая метафоричность и нарративность культуры. Деррида утверждает, что метафизика присутствия тотализирует логоцентризм в гуманитарной области.

Решением проблемы смысла, по Деррида, является аналитика «означающих», вовлеченных через языковые формы в игровой поток изначального смыслопорождения, а затем переноса (перевода) смысла [4, с. 127]. Известная мысль Деррида о демаркации мира на мир Бытия как присутствия (мир-presence) и мир человеческого Существования (мир-differance), который исчезает в процедурах самоликвидации фрагментарного Бытия, с трагикомическим забвением «слишком человеческого», перекликается с стремлением философов эпохи романтизма осязать субъективность в её целостности. Однако в попытках охватить целостность «Я» с помощью фиксирования его объективированных форм, философу приходится каждый раз иметь дело с «эманацией превращенных форм субъективности», с тем, что уже не есть Самость, с фрагментарным «Я», погруженным в мир недопроявленного бытия. Самость обречена на поиски собственной целостности в мире differance, где смысловые логоструктуры не всегда референциальны. Таким образом, мир differance становится миром достраивания смыслов текста культуры в качестве непрерывного поля переноса значения. И, следовательно, подрываются изнутри устоявшиеся основы и основные понятия не только западного мира и культуры, а также достоверное в апелляциях классического метафизического дискурса. Тем самым, демонстрируется релятивное сопротивление языка любому окончательному мировоззренческому проекту, метафизическому в том числе. Таким образом,

Деррида последовательно изучив фундаментальные концепты традиционной философии (присутствие, тождество, истину, действительность, другие) и пришел к выводу, что статус рационального в культуре не самовоспроизводится на собственном материале, а поддерживается когнитивным усилием обнаружения редуцированных элементов [5].

Философы-аналитики элиминировали метафизику в соответствии с условиями человеческой сферы осознанного. Сама область осознанного – жизненный мир человека, исчерпывалась возможным и эмпирически проверяемым событием и аналитическим анализом факта, то есть «знаменитый позитивистский принцип верифицируемости использовался для того, чтобы гарантировать установление содержания факта только теми предложениями, которые в принципе эмпирически верифицируемы» [1].

Аналитические философы придерживались мнения, что употребление языка есть сторона деятельности, и осмысление чего-то сказанного в определенной ситуации имплицитно включает в себя понимание. Таким образом, в область осознанного помещается «грамматическое» языковое содержание мира; очевидное, высказанное и записанное, по Витгенштейну, это есть «исходное данное» и для философии.

Вслед за Куайном, можно утверждать, что в область осознанного включаются человеческие убеждения, которые могут быть, например, математическим или логическим опытом. Если же совокупность убеждений входит в противоречие с опытом, то вопрос об отказе от убеждения решается в контексте принятия нового знания. И, так как исследователь или философ работает в системе знания, функционирующего в определенную эпоху, то избежать вопросов онтологической относительности в теоретических образах реальности невозможно. Предпочтение одних онтологических картин другим объясняется сугубо прагматическими мотивами. С этим связано положение «онтологической относительности», в соответствии с которым наше знание об объектах обусловлено теми научными теориями, которые использует исследователь.

Таким образом, выдвинутый сто лет назад Витгенштейном тезис трактовки субъективности как границы реального мира претерпел содержательную трансформацию в работах Апеля, Хабермаса, Тугенгарта и др. Власть социального замкнула субъективность на локусах виртуального (электронная коммуникация) и спекулятивного (быстрый банковский капитал) мира. Поэтому вслед за Рено можно утверждать: индивид утратил свою субъектную целостность, сформировав новые, еще не проясненные теоретизацией предметности субъективности как границы нового мира.

Список использованных источников

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат/ Людвиг Витгенштейн / ISBN: 978-5-17-064553-4, 978-5-271-27836-5 Год издания: 2010. – Режим доступа: <http://www.livelib.ru/book/1000328882>
2. Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез; пер. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. – СПб.: ТОО ТК, «Петрополис», 1998. – 384 с.
3. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: (Опыт о человеческой природе по Юму). Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / Ж. Делез, пер. Я. И. Свицкого. – М.: «ПЕР СЭ», 2001. – 480 с.

4. Деррида Ж. Форма і значення. Замечания по поводу Феноменологии языка / Ж. Деррида // Голос і феномен (и другие работы по теории знака Гуссерля) / пер. С. Г. Кашиной, Н. В. Сулова. – СПб.: «Алетейя», 1999. – 208 с.
5. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида; пер. Н. Автономовой. – М.: «Ad Marginem», 2000. – 512 с.
6. Лазарев В. В. Гегель и философские дискуссии его времени / В. В. Лазарев, И. А. Рау // Немецкая классическая философия. Новые исследования. – М.: Наука, 1991. – 160 с.
7. Шинкарук В. И. Единство диалектики, логики и теории познания. Введение в диалектическую логику / В. И. Шинкарук. – К.: Наук. думка, 1977. – 355 с.
8. Шпет Г. Сознание и его собственник (заметки) / Г. Шпет // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1891–1916. Статьи по философии и психологии. – М., 1916. – С.156–210. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/shpet01/>

References

1. Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat/ Ljudvig Vitgenshtejn / ISBN: 978-5-17-064553-4, 978-5-271-27836-5 God izdaniya: 2010. – Rezhim dostupu: <http://www.livlib.ru/book/1000328882>
2. Delez Zh. Razlichie i povtorenie / Zh. Delez; per. N. B. Man'kovskoj, Je. P. Jurovskoj. – SPb.: TOO TK, «Petropolis», 1998. – 384 s.
3. Delez Zh. Jempirizm i sub'ektivnost': (Opyt o chelovecheskoj prirode po Jumu). Kriticheskaja filosofija Kanta: uchenie o sposobnostjah. Bergsonizm. Spinoza / Zh. Delez, per. Ja. I. Svirskogo. – M.: «PER SJE», 2001. – 480 s.
4. Derrida Zh. Forma i znenchie. Zamechanija po povodu Fenomenologii jazyka / Zh. Derrida // Golog i fenomen (i drugie raboty po teorii znaka Gusserlja) / per. S. G. Kashinoj, N. V. Suslova. – SPb.: «Aletejja», 1999. – 208 s.
5. Derrida Zh. O grammatologii / Zh. Derrida; per. N. Avtonomovoj. – M.: «Ad Marginem», 2000. – 512 s.
6. Lazarev V. V. Gegel' i filosofskie diskussii ego vremeni / V. V. Lazarev, I. A. Rau // Nemeckaja klassicheskaja filosofija. Novye issledovanija. – M.: Nauka, 1991. – 160 s.
7. Shinkaruk V. I. Edinstvo dialektiki, logiki i teorii poznanija. Vvedenie v dialekticheskiju logiku / V. I. Shinkaruk. – K.: Nauk. dumka, 1977. – 355 s.
8. Shpet G. Soznanie i ego sobstvennik (zametki) / G. Shpet // Georgiju Ivanovichu Chelpanovu ot uchastnikov ego seminariev v Kieve i Moskve 1891–1916. Stat'i po filosofii i psihologii. – M., 1916. – S.156–210. – Rezhim dostupu: <http://psylib.org.ua/books/shpet01/>

Lavrova-Reinfeld I. A., teacher Department of Philosophy, Kiev Institute of Business and Technology (Ukraine, Bila Cerkva), rein_feld@mail.ru

Methodological approaches and conceptual underpinnings of subjectivity philosophy

The article explains the stepwise shaping of subjectivity where the objectification, that is, self-reflexive and self-removal of subjectivity is possible provided expertise metaphysical presence which corresponds to the first level becoming subjectivity. The next level is expressed autopoesis where the social and cultural patterns of complex-phono-лого-центризм connectivity in the act of organizing a number of private «scenes» manifest subjectivity. The third level is the act of understanding and approval of the individual. Using Hegelian terminology, subjectivity produces its-more-self-subjectivity, which is based on awareness. It is both a state and an instrument of understanding «here and now», whereas the subjectivity of the first two levels of procedural, temporal and affective. Switching methodological «register» with the need to happening today in research through the philosophical nature, such as philosophy of mind and philosophy (theory) subjectivity. For methodological study are relevant not only to clarify the terminology system, but the system as a whole. Conceptual provisions regarding the interpretation of subjectivity, awareness, detachment, and subjectivity proposed by the representatives of various philosophical trends and schools, do not exhaust the identified problem and leave open the horizon Research.

Keywords: subjectivity, awareness, subjectivity, the pattern, the subject, the individual.

Лаврова-Рейнфельд І. А., викладач кафедри філософії, Київський інститут бізнесу та технологій (Україна, Біла Церква), rein_feld@mail.ru

Методологічні підходи та концептуальні обґрунтування філософії суб'єктивності

Обґрунтовується ступеневе формування суб'єктивності, де об'єктивація, тобто самоусунення і саморефлексивність суб'єктивності можлива за умови метафізичної експертизи присутності, яка відповідає першому рівню самоустановлення суб'єктивності. Наступний рівень

виражається аутопоезисом, де соціальні патерни і культурні комплекси-фено-лого-центризм взаємодіють в акті організації безлічі приватних «сцен» проявленої суб'єктивності. Третій рівень це акт усвідомлення і затвердження індивіда. Використовуючи гегелівську термінологію, суб'єктивність породжує своє-інше-себе-суб'єктивність, яка ґрунтується на усвідомленості. Це одночасно стан та інструмент осягнення «тут і тепер», тоді як суб'єктивність перших двох рівнів процесуальна, темпоральна і афективна. Перемикання методологічного «регистру» з необхідністю відбувається сьогодні в дослідженнях філософських тем наскрізного характеру, таких як філософія свідомості і філософія (теорія) суб'єктивності. Тому методологічні обґрунтування актуальні для прояснення не тільки термінологічного апарату, але і системи в цілому. Концептуальні положення щодо трактування суб'єктивності, усвідомленості, відстороненості, суб'єктивності, запропоновані представниками різних філософських напрямів і шкіл, не вичерпують означеної проблеми і залишають дослідний горизонт відкритим.

Ключові слова: суб'єктивність, усвідомленість, суб'єктивність, патерн, суб'єкт, індивід.

***

УДК 13:165

Матвієнко О. І.,
старший викладач кафедри філософії,
Ужгородський національний університет
(Україна, Ужгород), uvarkina@rambler.ru

СИМВОЛ ЯК ІНСТРУМЕНТ ВІДОБРАЖЕННЯ ДІЙНОСТІ: ОСОБЛИВОСТІ Й ЗАКОНОМІРНОСТІ

Функціональним покликанням символу є відображення дійсності. У середовищі фахівців ця теза має консенсусний статус. Однак спосіб відображення символу дійсності припущені істотні особливості, які дають підстави базатом дослідникам стверджувати про «нависміє приховування дійсності». Як результат – актуалізується аспект генеалогії такого майже несумісного поєднання відзеркалення дійсності й водночас її приховування.

Ключові слова: символ, дійсність, детермінанти, особливості й закономірності, причинно-наслідкові зв'язки, функціональне покликання, зміст і форма.

А. Ейнштейн визнав, що Ф. Достоєвський допоміг його світоглядному і науковому становленню більше, ніж Гаус. У цьому одкровенні міститься надзвичайно важливий симптом: Достоєвський дав Ейнштейну право на божевілля, яке становить, здавалося б, виключно художню прерогативу і на яке наука накладає табу. Втім, подібних симптоматичних прикладів безліч: поет Малларме надихає математика Пуанкаре, філософ Лосев екстраполює висновки теорії відносності на світ казок, фізик Вольфганг Паулі написав книгу в співавторстві з психологом Юнгом, доводячи спорідненість світу мікрофізики з глибинною психологією, з ним солідаризується інший видатний фізик – Вернер Гейзенберг, який приголомшливо стверджує, що, досліджуючи Всесвіт і очікуючи виявити в ньому щось неймовірне, «людина зустрічає саму себе». На перший погляд ця фраза може здатися абсурдною або, щонайменше, містичною, але це лише тому, що прочитання її здійснене не іманентним їй способом. Тут знаходиться осереддя нашої проблеми, бо вказаний спосіб – символічний, як символічною є і сама фраза.

А. Бергсон любив посилається на такий вислів Е. Берклі: спочатку ми підіймаємо пил, а потім скаржимося, що не бачимо. Ми бачимо не самі речі, а пил-символи, обмежуємося читанням етикеток, приклеєних до ящиків і процесів. Класифікація цих етикеток утворює рівні символічного пізнання. Символи віддзеркалюють не самі речі, а лише відносини між речами. Час, з яким має справу фізик, істотно відрізняється від музичного часу, який, в свою чергу, не збігається з історичним концептом часу і т.д.

В результаті маємо безліч символів часу, котрі виражають його в різноманітних функціях. Але ця безліч